

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

С.Г. Лавлинский

Lavlinskiy S.G. The regional cultural policy: philosophical aspect. The cultural policy as a regional project. The culture as a sector of the economy. The region, province in the cultural policy.

Проблема региональности в культурологии, музееведении, истории и философии исследуется с разных позиций. Отдельные авторы (А. Лукнер, Л. Миодонский) решение данной проблемы рассматривают в контексте регионального, провинциального и национального тождества [1, 2]. Другие специалисты (Д. фон Пфордтен, П. Штеклер-Вайтхофер) проблему региональности в философии связывают с борьбой нормативного индивидуализма против нормативного коллективизма в политической философии [3, 4].

В первом случае обращается внимание на провинциализм (регионализм) тех или иных учений. Провинциализм выражается, как считают авторы, в двух видах – догматически-имплицитном и релятивно-эмплицитном. В соответствии с первым видом в центр рассмотрения культурной политики ставится неявное, а в соответствии со вторым – предпринимается попытка возвыситься над многообразием субъективных суждений разработчиков региональной культурной политики, оценивая их как безнадежные иллюзии.

По нашему мнению, в этих случаях имеют место мнимые и действительные основания, свойственные философствованию культурных политиков при разработке концепций культурной политики. Отметим, что философствование, как правило, соотносится с определенным временным периодом, поэтому при разработке культурной политики предпринимается попытка использовать как мнимые, так и действительные основания, свойственные философствованию того или иного времени. В этом плане образ научной революции, в понимании Т. Куна, есть не что иное, как введение понятия «эпоха» в понимание и развитие научных теорий. То есть применительно к разработке культурной политики можно говорить об использовании отграниченных друг от друга во времени парадигм научных форм организации культуры и самовыражения в них индивидов, групп

или страт, общества в целом. При этом следует учитывать, что в рамках парадигмы, определяющей представления разработчиков культурной политики, всегда имеет место некая «несвоевременность современного» в развитии культуры, причем часто в таких случаях речь ведется о понимании развития региональных практических и житейских (бытовых) форм культуры.

Понятие «эпохи» в процессе разработки культурной политики релятивизируется так, что, например, экономика, религии, право, культура быта или музыка и другие элементы культуры в своем развитии имеют локально-временные отличия, а потому при разработке культурной политики региона они должны получать разные характеристики, не связанные со временем данной эпохи (имели же место объективные локально-временные отличия Высокого Средневековья при конкретной характеристике культуры Италии эпохи Средневековья). Следует учитывать и ограниченность критического самосознания разработчиков культурной политики, когда оно связывается с противостоянием чуждому, иному, от которого в развитии культуры следует оттолкнуться, чтобы получить соответствующее «ускорение» в культурном развитии, а возможно, и размежеваться, чтобы не получить отрицательного результата.

Исходным пунктом, таким образом, при разработке концепции культурной политики становятся собственные, привычные и нормальные по представлениям и непосредственно проясняемые культурными политиками «логические» схемы и формы, их заключения и аргументации. Именно они становятся условием эффективной разработки культурной политики, целью логической, концептуальной и институционализированной рефлексии, обуславливающей реальную культурную автономию, аутентичность мысли и действия в культурной сфере, которые, в ко-

нечном счете, определяют коммуникативные и кооперативные контакты между культурами. В этом случае речь ведется «о нас самих», о нашем понимании не только жизненного порядка и его установлений, но и об их культурном предназначении в развитии социума.

Немаловажное значение имеет и соотношение региональных отличий с *philosophia perennis*, т. е. с универсумом, над региональным человеческим миром культуры. Культурная политика региона рассматривается в каждом отдельном случае как сверхрегиональный проект и потому понимается как конкретное разумное развитие культурной практики в стремлении решить и общие для всего человечества проблемы. Речь идет о том, что многообразие исторических и национальных форм культуры не должно оставаться лишь музейной витриной человечества: история человеческой культуры принадлежит всем, а поэтому она всегда должна актуально присутствовать и в философствовании при разработке культурной политики. В любом случае следует выделять общие, надрегиональные идеи, оценивая региональные идеи развития культуры с общих, общечеловеческих и общих для целостной философии позиций. В то же время следует иметь в виду, что региональный подход к разработке культурной политики несет в себе риторический и идеологический заряд, способный подменить научный подход к разработке культурной политики подходом, базирующимся на популистской или элитарной, а возможно, и псевдонаучной вере.

Рассматривая категорию «регионализм» в контексте региональной и провинциальной идентичности, регионализм следует отделять от провинциализма. Регионализм не может быть провинциальным и речь об этом здесь ведется не только с позиций терминологических различий. Во-первых, провинция (периферия) отделена от центра, и она автономна, националистична; во-вторых, региональная идентичность возможна только тогда, когда она выходит за собственные пределы; наконец, она мыслима лишь на межрегиональном уровне через сопоставление на основе коммуникативных связей и отношений с другими аналогичными регионами.

В условиях глобализации следует вести речь о регионализме, принимая во внимание

наличие «национальных государств» (Бретань, Шотландия, Южный Тироль, Грузия, Украина, Беларусь и др.), которые можно представить как выражение провинциализма и национализма. В этой связи обращение к общему прошлому в культуре (программы создания и охраны памятников истории и культуры, местные музеи, забота о сохранении диалектов и топонимии и т. п.) оценивается аналогично. В то же время провинциальный и региональный контексты трудно разделить. Развитие социума в рамках региона требует внимания к многообразию культурных образцов, не замыкающихся в локальных пределах. Поэтому в культурной политике следует противостоять призывам «оставить все, как прежде», а также попыткам релятивизации ценностей, поскольку тот, кто пытается вести застывшую местную жизнь, легко превращает необходимость в добродетель, а затем пытается убедить себя и других, что его зависимость причастна к высшему порядку.

На наш взгляд, к провинциализму следует относить тех, кто отделяет себя от всего внешнего и не признает того, что разрыв между периферией и крупными мегаполисами абсолютен и его вряд ли удастся когда-либо снять. Поэтому философствование о народности и укорененности в «народной почве» необходимо вести тактично, оставив в покое само существование народной культуры, поскольку «народная культура» пребывает «дома» в своих носителях и поселяется, в том числе и в мегаполисах, а не обитает только в провинции. В этом плане провинциализм и регионализм противоположны друг другу.

Идеальный тип культурного политика-регионалиста нам видится в его доверии к диалектике аутентичности, которая состоит в том, что своеобразие и особенности региона выражаются существенным образом на основе определенных условий и возможностей освоения прошлого. В особенностях культуры регионалист видит и случайные признаки, которые свидетельствуют не о чем ином, как о своеобразных проявлениях, не имеющих ничего значимого для настоящего или для формирования тождества, учитывающего особенности других регионов. В этой связи консервирование культурных ценностей нам представляется более чем сомнительным.

Различие между регионализмом и провинциализмом наиболее ярко проявляется в «коллективном тождестве», сущность которого следует рассматривать в противопоставлении подвижной региональной и неподвижной провинциальной (национальной) идентичности. Еще Гегель подчеркивал, что тождество (идентичность), т. е. самость человека, есть отношение, в котором «Я» может конституировать себя лишь посредством «Другого». «Другой» предстает «Я» как «знакомый» или «чужак». В первом случае тождество конституируется путем «понимания» еще не узнанного «Другого» и сближения с ним, как утверждал Гадамер, через «смещение горизонтов».

В этом случае история культуры имеет открытый характер, а потому и легко расстается с мифами и также легко усваивает новые культурные нормы. В этой связи регионализм предстает как плюрализм, в котором имеется более богатый спектр выбора альтернатив для дальнейшего развития культуры региона, регионального сообщества в целом. Во втором случае «Другой» конституируется как «чужак». «Другой» – «чужак» через отграничения конституирует замкнутую самость, тем самым, консервирует свой образ как «чужака». Но следует иметь в виду, что только в понимании открывается чужое и в отношении к этому чужому – собственная индивидуальность (в том числе и региона). Познание особенностей и индивидуальности региона осуществляется через понимание, различающее типическое в индивидуальном, тогда как индивидуальное следует рассматривать как особенное, т. е. типическое явление всеобщего.

Исследователи сосредотачивают свое внимание на выделении идеальных типов (по М. Веберу), свидетельствующих о наличии в философской мысли Нового времени дуализма в понимании политического строя современных европейских государств: либерализма – идея «общественного договора», обоснованная Т. Гобсом, Ж.-Ж. Руссо, и абсолютизма (консерватизма, тоталитаризма, коммуитаризма и республиканизма), которые рассматриваются как «нормативный индивидуализм» и «нормативный коллективизм». В настоящее время теоретический спектр рассмотрения проблемы тяготеет к нормативному индивидуализму, а коллекти-

вистская альтернатива не рассматривается всерьез, хотя и не исключаются смешанные подходы.

Так, известный коммуитарист А. Мак-Интайр считает, что индивид не может быть изолирован от общности, в которой он живет, участвуя в создании «коллективных товаров» и оперируя «коллективными понятиями» (например, «общие блага», которыми он пользуется). Политическое господство во всех случаях ограничено принятием политических решений в интересах общества и, хотя оно оправдано согласием индивидов, оно все же ограничивает их интересы, поэтому законы направлены на интересы индивида.

С другой стороны, например, при разработке культурной политики региона из процесса принятия важных решений, связанных с принципиальными позициями развития его культуры, исключаются те, кто заинтересован в них. Поэтому эти решения могут вступать в противоречие с их интересами и интересами других членов сообщества как его граждан. Таким образом, сохраняется дивергенция между коллективистскими и индивидуалистическими устремлениями, что ведет к сохранению разобщенности не только в коммуникациях, но и культуре и культурной политике.

В то же время следует учитывать, что в социально-культурной сфере именно на уровне региона предоставляется возможность достичь максимального участия различных слоев населения в культурных процессах и в общественной жизни социума в целом; возможна разработка и реализация наиболее оптимального варианта управления сферой культуры с учетом региональной специфики и культурной самобытности, географических факторов, а также использования всех возможностей территории – институциональных, финансовых, материальных, человеческих и иных; на региональном уровне имеется объективная возможность осуществлять управленческие воздействия на социально-культурные процессы с учетом сочетания функционирования и развития, развития и саморазвития, управления и самоуправления и т. д. Здесь в большей степени представляется возможность ориентировать культурную политику учреждений культуры на изучение и удовлетворение культурных потребностей и интересов различных социальных страт и групп населения.

Региональная культурная политика должна заявить о себе через административно-государственный аппарат управления культурой, который должен лоббировать интересы культуры в административной среде, в которой доминируют экономисты далеко не всегда представляющие и осознающие экономическую важность культурного сектора в региональной экономике. По мнению австралийского ученого Д. Тросби, в развитых странах растет признание того, что культурный сектор социума, так называемые «культурные индустрии» уже не являются тихими заводами в мировой и национальных экономиках, а наоборот, оказывают существенное влияние на валовое производство продукции, трудоустройство и безработицу, торговлю, да и в целом на развитие социума. Стратегия привлечения внимания региональных экономистов и политиков к экономическим параметрам культурных процессов и их влиянию на экономический сектор призвана повлечь за собой более широкое понимание проблем культуры и ее положительное восприятие в государственных властных структурах [5].

Следует согласиться с Д. Тросби и в том, что в более широком смысле культура должна стать лидирующим сектором в постиндустриальной экономике. Правомерным под-

тверждением этого становятся культурные обмены между регионами, странами. Они становятся предшественниками роста торговли и обмена товарами и услугами, а потому, занимают все более значительное место в повестках политических встреч лидеров государств и политиков. Понимание этого может стать предпосылкой прогресса в сближении экономических и культурных целей, укреплении понимания того, что стремление общества к культуре – это стремление к развитию, которое не всегда представляется возможным измерить с помощью экономических показателей и критериев.

1. *Lukner A.* // Philosophie und Regionalität. Wrozw, 1999. S. 33-46.
2. *Miodonski L.* // Philosophie und Regionalität. Wrozw, 1999. S. 13-41.
3. *Steckeler-Weithofer P.* // Philosophie und Regionalität. Wrozw, 1999. S. 13-32.
4. *Pfordten D. von der.* // Ztschr. für philos. Forschung. Frankfurt a/M, 2000. Bd. 54. № 4. S. 491-513.
5. *Trosby D.* Culture policy and the Economy // Heikinen M. & Koskinen T. (eds) *Economiks of Artists and Aris Policy. Selection of Papers.* Helsinki Nykypiano Oy. 1998.

Поступила в редакцию 17.11.2006 г.